

Часть первая Йешуа и Тора

Глава 2. Йешуа соблюдает Субботу

Центральным для доказательства того, что следование Торе играло важнейшую роль в жизни Йешуа, является вопрос о соблюдении им Субботы (см. Исх. 20:8; 23:12–13; Лев. 23:3). Соблюдение Субботы в эпоху Второго Храма считалось важнейшей обязанностью и ключевой *мицвой*, независимо от того, к какой из многочисленных, распространенных в этот период, разновидностей иудаизма человек принадлежал.

Как Йешуа соблюдал Субботу?

Данные Нового Завета ясно указывают на то, что Йешуа соблюдал Субботу (см. Мф. 5:17–20; Лк. 4:16–22, 31). Таким образом, вопрос состоит не в том, соблюдал ли Йешуа Субботу, а скорее в том, каким именно образом он ее соблюдал. Наши выводы смогут подтвердить основной тезис этой книги: Йешуа вел образ жизни, предполагающий безупречное соблюдение Торы.

В чем же дело, почему, если Йешуа действительно соблюдал Субботу, он получал столь сильный отпор со стороны религиозных учителей именно в связи с исполнением им Субботы? (Примеры такого противодействия см. в Лк. 6:1–11; Ин. 7:22–24 и 9:16.) Иудейские источники расходятся в мнениях о том, нарушал ли Йешуа *мицву* о Субботе и, если да, то каким образом. Однако большинство источников согласны в том, что учение Йешуа не совпадало с воззрениями определенных течений иудаизма его времени.

Четверо знаменитых ученых – Клаузнер, Монтефиоре, Абрахамс и Коэн – утверждали, что Йешуа нарушал *мицву* о соблюдении Субботы, тогда как двое других ученых – Джейкобс и Шонфельд – были убеждены, что он не нарушил ни одной из *мицвот* Писания относительно Субботы. Наконец, еще четверо – Колер, Флюссер, Лapid и Вермеш – утверждали, что он не нарушал *мицвот* и даже не вводил каких-либо серьезных отличий по сравнению с общепринятой фарисейской традицией в отношении соблюдения Субботы.^[4] Колер предположил, что весь конфликт вокруг Субботы можно понять в свете рассуждений равви Гил-лея и равви Шаммая о том, как правильно исполнять *мицвот* о Субботе. Один из наиболее влиятельных специалистов по иудаизму периода Второго Храма, Шмуэль Шафрай, отметил, что Йешуа соблюдал Субботу в полном согласии с *галахой* его времени. Доктор Шафрай, говоря о соблюдении Йешуа Субботы, отмечает что его поведение «на все 100 % следовало Закону».^[5] Вермеш соглашается с ним: «В основных чертах отношение [Йешуа к Субботе] ... было таким же как у других раввинов».^[6] Я

уверен, вслед за Флюссером, Лапидом и Вермешем, что Йешуа не нарушил ни одной из *мицвот* Писания о Субботе. Его расхождения с различными религиозными учителями, о которых мы знаем из Нового Завета, необходимо понимать как проявление характерной черты иудейского мира первого века – «нахождения истины» посредством постоянных дискуссий.

Исторический фон

Множество примеров такого рода галахических конфликтов можно обнаружить в раввинистической литературе рубежа н. э. Как было отмечено выше, считается, что религиозные школы равви Гиллеля и равви Шаммая – обе глубоко укорененные в фарисейской традиции – в вопросе о том, как исполнять Тору, расходились более чем по 300 позициям. Иными словами, эти раввины и их ученики, являясь союзниками, все же изо дня в день спорили, дискутировали и не соглашались друг с другом по поводу наиболее важного для каждого из них вопроса – понимания Торы. Йешуа просто принял участие в этой борьбе. Нередко, как в случае Йешуа, подобные различия во взглядах оказывались вопросом жизни и смерти. Пример такого рода противоречий мы находим в Талмуде. Равви Тарфон во время путешествия остановился и прилег для вечерней молитвы, так как молился он, следуя практике школы Шаммая.

Равви Тарфон сказал: «Я был в пути и прилег, чтобы прочитать Шма по учению Бейт Шаммая. Пришли разбойники, напугали меня ... [так что я убежал]». Его собратья отвечали ему: «Подделом был бы ты наказан [смертью] за то, что не последовал учению Бейт Гиллеля [о молитве]» (Мишна Берахот 1, 3).

Те раввины из числа фарисеев, которые следовали в учении о молитве равви Гиллелю, не сочувствовали Тарфону в том, что он едва избег смерти от рук разбойников, поскольку Тарфон молился, следуя учению равви Шаммая. Такая реакция на случай с Тарфоном говорит о серьезности различий в толкованиях даже среди сторонников единого фарисейского течения в Иудее первого века. Отчасти это объясняется тем, что религиозные различия нередко были связаны с политикой.

Вышеописанная ситуация имела место, когда Второй Храм был уже разрушен (70 г. н. э.). Израильский город Явне стал прибежищем для множества бежавших из Иерусалима фарисеев. Разнообразные фарисейские школы всеми правдами и неправдами добивались главенствующего положения, что дало бы им возможность руководить еврейским народом в трудных условиях римской оккупации. Сочувствие какому-либо из течений в том, что касается истолкования Торы, означало поддержку этого течения и в его борьбе за политическое влияние. Это было неизбежно. Разумеется, подлинные причины расхождения в толкованиях таились именно здесь. Впрочем, нельзя

забывать, что раввины из Явне в конечном счете заботились о послушании Богу и сохранении еврейского народа.

То же самое можно сказать о множестве других галахических конфликтов, отражение которых мы находим в Талмуде (они так многочисленны, что перечислять их не имеет смысла).^[7] Такого рода доктринальные и политические различия, безусловно, играли свою роль и в спорах Йешуа с некоторыми фарисеями. Мы увидим, что эти различия, как и в случае с равви Тарфоном, достаточно серьезно обострили конфликт между Йешуа и теми, с кем он спорил. Шафрай отмечает, что во времена Второго Храма словесные поединки между учителями были вполне обычны, даже традиционны. Это в особенности касается споров между галилейскими и иудейскими учителями. По словам Шафрая, Галилея, где рос и учился Йешуа, в целом отличалась большей приверженностью к изучению и соблюдению Торы, чем многие области Иудеи.^[8] Некоторые доводы, которые приводит Йешуа в спорах с религиозными учителями Иудеи, были довольно обычными в условиях острого соперничества иудейских и галилейских раввинов. И Шафрай и Янг отмечают, что отношение Йешуа к Торе похоже на то, что можно назвать «хасидским» движением его времени.

«По обыкновению своему»

Рассмотрим данные Писания о том, как Йешуа соблюдал Субботу (см. Мф. 12:9; Мк. 1:21; 6:2; Лк. 4:16, 31; 6:6; 13:10; 14:1; Ин. 5:1–16; 9). Во всех этих эпизодах Йешуа в Субботу либо находится в синагоге, либо учит. Лк. 4:16 и 4:31 показывают, что Йешуа, как правило, молился в синагоге каждую Субботу, почитая этот день согласно местным обычаям. В Лк. 4:16 читаем: «И вошел, по обыкновению Своему, в день субботный в синагогу». Эти слова показывают нам, что он обычно делал в Субботу. Лк. 4:31 подтверждает это: «И учил их в дни субботные».

Обратим внимание на некоторые примеры соблюдения Йешуа Субботы, которые ставились под вопрос как его современниками, так и многими толкователями на протяжении столетий.

Исцеления и забота о больных

Марк следующим образом обозначает время одного из совершенных Йешуа актов исцеления: «При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых» (1:32). В этом стихе особо подчеркивается, что Йешуа публично исцелял в период времени, который обозначен как:

מוצאי שבת

<מוצאי Шаббат>, то есть вечер после официального окончания Субботы. Это делалось для того, чтобы не нарушать устное предание относительно перевозки лежащих больных в Субботу. Хотя мы и не знаем точно, какие обычаи были распространены в данном месте, но можем делать обоснованные предположения, исходя из воззрений, общих для всех иудеев данной эпохи. Лахс, комментируя этот стих, замечает: «Люди ожидали вечера (

מוצאי שבת

), чтобы отнести своих больных к нему [к Йешуа], и тем самым избегали нарушения Субботы, в которую это было запрещено».^[9]

Действительно, в других случаях (каковых большинство) Йешуа исцелял людей в Субботу (см. Мк. 1:29–31). Вопрос был не в том, можно ли исцелять в Субботу (см. Ин. 5:1–16; 9:13–14). В обоих случаях Йешуа учил, что исцеление могло иметь место в Субботу, согласно правилу *Бейт Гиллеля*. Вопрос был в том, мог ли он разрешить перевозку больных в Субботу.^[10]

Иначе говоря, вопрос состоял в том, имел ли Йешуа власть учить иначе, чем было предписано обычаем, относительно перевозки больных в Субботу. Решающее значение для ответа на этот вопрос имеет то, кем были противники Йешуа в случаях, описываемых в 5-й и 9-й главах Евангелия от Иоанна. Хотя мы не знаем, кем были эти люди, они, несомненно, придерживались на этот счет точки зрения Бейт Шаммая. Йешуа не соглашался с ними. (Возможно, сопротивление исходило от одной или нескольких *йешив* Шаммая второго поколения, которые в эти годы обладали большим политическим влиянием среди фарисеев.)

Решить, опираясь на новозаветные тексты, вопрос о том, как Йешуа соблюдал Субботу, достаточно трудно. И все же одно можно сказать вполне определенно: источники указывают, что Йешуа соблюдал Субботу и участвовал в дискуссиях о том, как делать это должным образом. Как отмечает Паркс, «дискуссионные темы были областью развития галахи ... Дело вовсе не в соблюдении Субботы как таковом».^[11]

Галахическая аргументация относительно Субботы

Мф. 12:1–8 представляет другой пример того, как Йешуа соблюдал Субботу. Во втором стихе Йешуа обвиняют в том, что он учит своих учеников нарушать Субботу. Он возражает на это обвинение с помощью раввинистического довода, известного как:

קל וחומר

<каль ва-хомер>.^[12] Затем он подкрепляет свой ответ двумя доказательствами из Писания. Таким образом он показывает, что те обычаи и *авот*,^[13] которым следовали его обвинители, исказили верную систему приоритетов относительно Субботы. Быть может, еще больше, чем его галахическая аргументация, оппонентов привели в ярость его слова, которые мы находим в ст. 6: «Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма».

Эти слова – главное в рассуждении Йешуа. Описываемая здесь группа фарисеев, возможно, услышала в словах Йешуа возмутительное, почти оскорбительное утверждение, но именно оно перевело разговор с того, как соблюдать Субботу, к подлинной роли Йешуа. Йешуа доказывал необходимость разработки верных приоритетов относительно Субботы. Его аргументация была галахической и вполне обычной для иудаизма первого века. За несколько лет до совершеннолетия Йешуа раввины Гиллель и Шаммай горячо спорили друг с другом о понимании Торы, хотя едва ли кто-то мог поставить под сомнение их верность ее духу. Их ученики также спорили друг с другом о различных толкованиях Торы, и все же никакой серьезный ученый не усомнился бы в их приверженности исполнению Торы. Вот пример такого галахического толкования.

Школа Шаммая ставила под сомнение чистоту затвердевших маслин и винограда, тогда как школа Гиллеля не сомневалось в их чистоте. Школа Шаммая объявляла черный тмин безусловно чистым, а школа Гиллеля ставила это под сомнение. Таким же образом не соглашались они и относительно того, отделяется ли от них десятина (Издание Денби. Мишна Укцин 2, 6).

По вопросу ритуальной нечистоты *Бейт Гиллель* и *Бейт Шаммай* не сходились относительно классификации маслин, винограда и черного тмина, так же как и в вопросе о том, отделяется ли от них десятина. В Талмуде можно найти множество примеров такого рода несогласий между последователями *Бейт Гиллеля* и *Бейт Шаммая*. По существу, эти страстные галахические споры иногда приводили к переменам взглядов на то, как следует исполнять Тору. Такие рассуждения имели ценность для формулировки *галахи*. Вот пример такой перемены взглядов.

Если женщина возвратилась из-за моря и сказала: «Мой муж мертв», – она может вновь выйти замуж; если же она сказала: «Мой муж умер бездетным», – она может заключить брак по закону о левирате. Так [учит] школа Шаммая. А школа Гиллеля говорит: мы не слышали о подобной традиции, разве что когда женщина возвращается со сбора урожая. Школа Шаммая отвечает: это одно и то же (те же самые обстоятельства), возвращается ли она со сбора урожая, со сбора маслин или из-за моря ... школа Гиллеля изменила свое мнение и стала учить согласно со школой Шаммая (Издание Денби. Мишна Эдуйот 1, 12а).

В описанном здесь случае вследствие обмена мнениями между *йешивами* Гиллеля и Шаммая приверженцы *Бейт Гиллеля* переменили свои взгляды и тот способ, каким они исполняли этот аспект *галахи*. После того, как представители *Бейт Шаммая* выступили в защиту своего прецедента перед представителями *Бейт Гиллеля*, обе фарисейские школы признали, что женщина может вступить в новый брак на основе своего собственного свидетельства, либо свободно, либо согласно закону о левирате из Втор. 25:5. Галахическая аргументация, пример которой мы видели, служила для того, чтобы обеспечить двум школам возможность выслушать учения и доказательства друг друга. Их целью было развитие *галахи*. Во всех такого рода галахических диспутах главным мотивом было желание исполнить Тору.

Подобным образом в 12-й гл. Матфея Йешуа доказывает, как должно соблюдать Субботу. Невозможно допустить, что он намеревался каким бы то ни было образом нарушить Субботу – ведь в этом случае он должен был бы нарушить Тору. Тот тип аргументации, который мы находим в Мф. 12, напоминает методы, какими иудейский мир первого века учил должному пониманию и исполнению Торы. Очевидно, Йешуа заботился именно об этом, живо участвуя в дискуссиях относительно того, как исполнять Тору и верно понимать ее требования и приоритеты.

Срывание колосьев

Еще несколько вопросов интересуют нас в связи с данной темой. По поводу случая, которого мы только что коснулись, равви Шафрай отмечает: «Йешуа принял участие в галахической дискуссии, высказав свое суждение. Он не нарушил Субботу».^[14] Равви Шафрай также замечает, что Йешуа и его ученики в действительности даже не срывали колосьев. По его мнению, группа людей никогда не пойдет по несжатому хлебному полю, топча посевы, – не говоря уже о том, что это было бы незаконно. Однако Шафрай отмечает, что идти по такому полю дозволялось, если урожай уже собран. Тогда все желающие могли прийти сюда, поднять лежащие на земле колосья, очистить их руками и съесть. Сама Тора санкционирует подобную практику.

Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, и виноградника твоего не обирай дочиста, и попадавших ягод в винограднике не подбирай; оставь это бедному и пришельцу. Я Господь, Бог ваш (Лев. 19:9–10).

Равви Шафрай полагает, что ученики Йешуа, вместо того, чтобы срывать колосья, поднимали с земли уже срезанные растения. «Полная еврейская Библия» (*Complete Jewish Bible*) совершенно правильно передает это: «Они стали собирать верхушки колосьев и есть их» (Мф. 12:1). По мнению Шафрая, в

тексте описывается именно сбор верхушек колосьев (с земли или с колоса, лежащего на земле).^[15] Любопытно, что Талмуд описывает ситуацию, когда иудеи занимали различные позиции относительно рассматриваемой нами галахической проблемы.

Жители Иерихона делали шесть вещей: за три они были осуждены, а за три не были. ... [Мудрецы не осуждали их, когда] жали и собирали в снопы [то, что созрело прямо] накануне Омера. [Мудрецы осуждали их, когда они] ели опавшие плоды в Субботу (Мишна Песахим 4, 8).

Здесь можно видеть различие пониманий галахи иудеями Иерихона и более строгими раввинами. Иерихонские иудеи не видели какого-либо галахического проступка в том, чтобы есть упавшие плоды в Субботу, а раввины видели. Здесь различие галахического понимания определено местностью. Жизнь и экономика Иерихона, лежащего в долине реки Иордан, зависели от плодов. Песахим 4, 8, возможно, имеет в виду события, происходившие незадолго до или вскоре после Пасхи. Поэтому это место аналогично эпизоду, описанному в 12-й гл. Евангелия от Матфея.

Могли ли галахические предписания относительно пищи повлиять на нормы соблюдения Субботы? Для нас важно увидеть, что применяемый Йешуа тип аргументации и местное понимание Субботы были вполне обычными для интересующего нас времени. Во-первых, кем были конкретные фарисеи, которые оказались на поле в Субботу и видели Йешуа с учениками во время эпизода, описанного в 12-й гл. Матфея? Были ли они посланы из Иерусалима, чтобы пристально следить за галилейским равви? Или, быть может, это были молодые и ревностные ученики *йешивы*, стремящиеся вовлечь Йешуа в споры? А может, они были посланы, чтобы найти в Галилее способных учеников для своей *йешивы* сторонников для своей партии? Были ли они учителями и раввинами, оказавшимися здесь по пути из одной синагоги в другую, или это были верные последователи учения Бейт Шаммая?

Если бы мы знали, кем они были, мы могли бы лучше понять суть их обвинений против Йешуа. Я могу предположить, что это были ревностные молодые члены фарисейской партии одной из иудейских академий, посланные оценить благочестие галилейских иудеев и найти способных кандидатов для обучения в Иерусалиме. Даже если они были фарисеями, жившими в Галилее, этот случай весьма вероятен. Сами галилейские мудрецы рассуждали между собой о том, как позволительно очищать, а затем поедать зерна в Субботу.^[16]

«Суббота для человека»

Йешуа принадлежат слова, вполне способные вызвать противоречивые оценки, но едва ли дающие основания обвинять его в нарушении Субботы. В Мф. 12:8 Йешуа утверждает, что человек имеет власть над Субботой. Кроме того, он делает вывод, что сам он как Мессия имеет право учить о том, как должным образом соблюдать Субботу, и определять, что в этой связи более, а что менее важно. По словам Йешуа, человечество в целом господствует над Субботой, и этот порядок не следует изменять. Таким образом, Суббота должна служить человеку. Человек не должен быть поработен стремлением жить согласно различным взглядам на правильное соблюдение Субботы.

В той версии событий, которую излагает Марк, Йешуа говорит о том же самом: «Суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы» (2:27–28). Ст. 28 есть расширение принципа, сформулированного в ст. 27. Йешуа, насколько я понимаю, говорит о том, что в целом человечество господствует над Субботой. Йешуа как единственный в своем роде Сын Человеческий (в эпоху Второго Храма выражение «сын человеческий» означало апокалиптическую фигуру, того, кто приходит перед концом мира, или Мессию), имеет власть от Бога учить еврейский народ должному отношению к Субботе. Этот случай показывает, что Йешуа почитал Субботу, защищая ее – определяя ее подлинное значение. Он отстаивал то, что считал важнейшим в почитании Субботы.

Понимание Йешуа отношения человека к Субботе согласовывалось с тем, чему учили многие раввины его времени. Как пишет Вермеш, «[Мысль о том, что] Суббота устроена для человека, а не человек для Субботы, также прочно укоренена в раввинистическом учении. ... Соблюдение Субботы во втором веке, а возможно, и в первом, было принципиальным образом подчинено благу иудея».^[17]

Представление о милосердии и благосклонности к человеку при соблюдении Субботы в сочетании с системой ценностей Писания не было нововведением Йешуа. Таким было изначальное намерение Бога при даровании Субботы еврейскому народу. Однако Йешуа слышал, видел и пережил на собственном опыте ложные учения о соблюдении Субботы. Евангельские повествования показывают нам, что Йешуа, как Мессия Израиля, ревностно учил правильному соблюдению Субботы. Другие раввины его времени делали то же самое. Единственным различием было то, что Йешуа претендовал на звание Мессии и настаивал на авторитетности своего учения (или своих толкований Торы). Именно эти притязания и вызывали сопротивление.

«Дозволяется делать добро в Субботу»

Еще один эпизод Писания, из которого мы можем заключить, как Йешуа относился к соблюдению Субботы, – Мф. 12:9–15. Здесь его обвиняют в нарушении обычаев некоторой неустановленной религиозной группы относительно исцеления в Субботу. Прибегая к тому же раввинистическому рассуждению «каль ва-хомер»,^[18] он оспаривает своих обвинителей, предлагая им правильное понимание приоритетов Субботы. Ст. 12 выделяется как своего рода резюме: «Итак можно в субботы делать добро».

Ряд наблюдений может помочь нам увидеть, почему фарисеи стремились «погубить» Йешуа (ст. 14). Во-первых, его хотели обвинить в серьезном нарушении предписаний Торы (о намерениях вопрошающих см. ст. 10). Их вопрос об исцелении мог быть уловкой или провокацией, призванной вовлечь Йешуа в спор. Он также мог быть рассчитан на то, чтобы заставить Йешуа возражать против их понимания позволительности исцелений в Субботу. Какими бы ни были их мотивы, мы должны рассматривать данную ситуацию как столкновение именно между Йешуа и конкретной группой фарисеев. Эти фарисеи не выражали точки зрения всего Израиля. Ст. 15 показывает, что Йешуа был популярен среди простого народа – и, тем самым, представлял опасность для популярности, миссионерской деятельности и авторитета этой конкретной группы фарисеев. Поскольку галилейский равви ставил под сомнение верность их интерпретаций заповеди о Субботе, под сомнением оказывался и их политический вес. Этот аспект противостояния нельзя недооценивать, особенно ввиду той роли, которую он в конечном счете сыграл в смерти Йешуа. В лице этих фарисеев Йешуа нажил себе очень влиятельных врагов, и его поведение по отношению к ним показывает, что он это прекрасно понимал.

В той версии рассматриваемого эпизода, которую рассказывает Марк (Мк. 3:1–6), сторонники царя Ирода Антипы (сына Ирода I) объединились с этими оскорбленными фарисеями (см. Лк. 6:11), чтобы устроить заговор с целью убить Йешуа. Под властью Антипы была уже гораздо меньшая территория, чем у его отца. Мк. 3:6 также подчеркивает политический аспект данного конфликта. Этот конфликт был гораздо теснее связан с противостоянием между локальной группой фарисеев и Йешуа (и его предполагаемым влиянием), нежели собственно с вопросом о соблюдении Субботы. Фундаментальные противоречия в мировоззрении Йешуа и Ирода Антипы рано или поздно неизбежно должны были дать о себе знать. В Лк. 13:32 Йешуа называет Антипу «лисой». В раввинистической литературе лиса – обычный образ для кичливого фигляра, возомнившего себя невероятно могущественным, тогда как в реальности от него едва ли хоть что-нибудь зависит. Антипа мог понять слова

Йешуа, невзирая на их правдивость, как продуманный и жестокий удар. В том же самом стихе Йешуа дает Антипе понять, что такое настоящая власть: способность победить смерть и воскреснуть на третий день. Для Антипы власть заключалась в умении угождать Риму и пристально следить за собственным народом, сдерживая его силой. Это дает нам некоторое представление как о том, сколь сильного врага нажил себе Йешуа, так и о том, почему Антипа не помог Йешуа, когда тот оказался перед лицом смерти от рук римлян. В Лк. 23:11–12 мы видим, что Антипа использовал смерть Йешуа как способ выслужиться перед римским наместником Понтием Пилатом. Йешуа стал средством в политической игре Антипы. Лука говорит, что Антипа относился к Йешуа с презрением (см. ст. 11). Отстаивая Тору, Йешуа стал врагом царя Ирода, совсем как незадолго до этого его двоюродный брат Иоанн.

Неотвязанный осел

Еще один рассказ об исцелении в Субботу читаем в Лк. 13:10–17. Здесь Йешуа исцеляет больную женщину, и с ним спорит начальник синагоги.

При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний. (ст. 14).

С точки зрения этого чиновника, за исцелением следует являться в будний день (евр.

יום חול

<йом холь>). В Субботу исцеления запрещены. Это, в частности, отражает взгляды сторонников равви Шаммая на исцеление в Субботу. Вспомним, что равви Шаммай основал одну из фарисейских школ в Иерусалиме примерно за поколение до Йешуа. В данном эпизоде Йешуа вновь учит о том, что более, а что менее важно при соблюдении Субботы. Возможно, трактовка Йешуа противоречила пониманию Субботы школой Шаммая. Комментируя исцеления, производимые Йешуа в Субботу, равви Шафрай отмечает: «Этому не противоречит *галаха*!»^[19] По сути дела, Шафрай полагает, что начальник синагоги был менее сведущ в *галахе*, чем Йешуа. Шафрай замечает, что исцеление в Субботу было бы запрещено только в том случае, если бы Йешуа применял при исцелении лекарства. Но Йешуа исцелял без всяких лекарств. Отметим еще раз, что Йешуа присутствует в синагоге в Субботу и молится вместе с местными евреями, согласно местным обычаям.

Стихи 15–16 отражают учение Йешуа о том, как должно соблюдать Субботу. В этом случае он снова прибегает к раввинистическому методу «каль ва-хомер», заявляя:

Лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить? Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?

Верующие иудеи реагируют на исцеления Йешуа в Субботу с радостью и восторгом: «И весь народ радовался о всех славных делах Его» (ст. 17). Обычные иудеи всецело принимают дела и учение Йешуа. Это не должно нас удивлять. В Субботу люди хотели встретиться с Богом, искали милости и сострадания. Именно это они находили благодаря Йешуа.

На основании этих стихов Евангелия от Марка я склонен заключить, что Йешуа одержал верх в споре с присутствовавшими в синагоге учителями. Его сочли соблюдающим Субботу; мы видели, что его рассуждения касались того, *как* правильно соблюдать Субботу, а не того, *должно ли* ее соблюдать. Его учение было учением сведущего и вдохновенного раввина. Оно, в самом деле, могло превосходить понимание смысла Субботы начальником синагоги. В то же время, это было типичное раввинистическое галахическое рассуждение, каковые всегда практиковались в Израиле. Рассуждение это не может изменить нашего представления о рвении Йешуа в соблюдении Субботы. Йешуа спорил с тем, как понимал соблюдение Субботы начальник синагоги, который, вероятнее всего, принадлежал к школе, основанной равви Шаммаем.

В Ин. 5:1–16 рассказывается о том, как Йешуа исцеляет в Субботу парализованного человека. Это происходит около Вифезды (Бейт-Хас-ды), бассейна неподалеку от Овечьих Ворот Иерусалима. Это исцеление в Субботу вызвало особенно негативную реакцию неустановленной группы иудейских религиозных лидеров (см. ст. 10, 16). Трудности возникают из-за чрезмерного упрощения этого текста, вследствие чего неверно полагают, будто в данном случае речь идет о неприятии со стороны всего еврейского народа. Но сопротивление, о котором рассказывает данный эпизод, исходило от конкретной группы религиозных лидеров. Это могли быть представители определенной части фарисеев, сочувствующих школе Шаммая, или же священники из числа саддукеев, а возможно, и те, и другие. Начальные стихи этого эпизода показывают, что предметом столкновения совсем не обязательно был факт исцеления в Субботу. Проблема состояла в том, что из-за этого исцеления человек, лишенный прежде возможности двигаться, нарушил представления этой группы об *авот*^[20] Субботы тем, что носил свою циновку. Как отметил Фишер, «он [Йешуа], возможно, отступил от некоторых из соперничающих традиций, но сами их приверженцы упустили из виду цель, которую преследовал Бог, даруя Закон».^[21]

Шафрай замечает, что даже здесь Йешуа не нарушил ни одной из заповедей Торы. В огороженном месте, как в этом конкретном случае, можно

было поднять свою циновку и ходить с ней, не нарушая Тору. Не каждый стал бы это делать, но нарушения Торы в этом не было.^[22] Вермеш говорит: «В целом, будь то в сфере законов о Субботе или в сфере пищевых предписаний, нельзя сказать, чтобы Иисус возражал против их соблюдения».^[23]

Кроме того, здесь Йешуа горячо отстаивает подлинное соблюдение Субботы. Именно в этом свете мы должны рассматривать все его рассуждения относительно Субботы.

Итак, факты убеждают нас, что Йешуа ревностно боролся за соблюдение Субботы должным образом. В его учении о Субботе и всех поступках, которые он совершал в Субботу, видна забота о верном понимании приоритетов. Он соблюдал Субботу с тем же самым стремлением исполнить эту *мицву*, как любой другой современный ему религиозный учитель. Одним словом, отношение Йешуа к соблюдению Субботы отражает его отношение к Торе – уважение и почитание вместе со страстным желанием должным образом исполнить предписанное. Это полностью совпадает с тем, чему он учит в Мф. 5:17–18; к этим словам я и обращаю теперь читателя.

4

См. обзор мнений иудейских ученых по этому вопросу в Hagner 95.

5

Лекция Шафрая.

6

Vermes 23.

7

Другой классический пример доктринальных различий, возникших на политический почве, находим в Мишне Йадаим 3:5. Здесь сказано: «Равви Йоси говорит: „Кохелет [Екклесиаст] не делает руки ритуально нечистыми; что касается Песни песней, то о ней высказывается другое мнение“. Равви Шимон говорит: „Кохелет – это пример мягкости Бейт Шаммая и строгости Бейт Гиллеля“. Равви Шимон бен Азай говорит: „Я получил от 72 старейшин учение ... о том, что Песнь песней и Кохелет делают руки ритуально нечистыми“». Этот раздел Мишны посвящен пространному рассуждению о том, можно ли считать книги Песнь песней и Екклесиаст частью Писания. Разнящиеся точки зрения представляли различные йешивыи мнения их руководителей.

8

Лекция Шафрая.

9

Lachs 72.

10

В Мк. 1:30–31 Йешуа исцеляет в Субботу тещу Шимона. Этот случай не должен был вызвать затруднений с точки зрения законов о перевозке, поскольку женщина лежала в постели в своем доме. Для последователя Бейт Шаммая, однако, законность этого исцеления оказалась бы под вопросом в связи с иной интерпретацией Шаммаем установлений относительно Субботы.

11

Parkes 59, 61.

12

Каль ва-хомер (

קל וחומר

евр. «легкое и тяжелое» [т. е. умозаключение от легкого к тяжелому]) представляет собой рассуждение «от меньшего к большему». В раввинистической практике эпохи Второго Храма это был один из основных методов толкования Торы. «Каль ва-хомер» был в числе семи признанных принципов толкования Торы равви Гиллеля, учившего меньше чем за поколение до Йешуа.

13

Авот [евр.

אבות

«отцы» (от «авмелахот» – «отец, или основа, созидательной деятельности»)] слово, означающее 39 видов деятельности, запрещенных в Субботу. Хотя они не были сведены в законченную систему вплоть до 30-х годов второго века, к первому веку основы такой системы были уже хорошо разработаны.

14

Лекция Шафрая.

15

Доктор Шафрай отмечает, что этот случай, возможно, происходил на второй неделе от начала Омера, между Пасхой и праздником Шавуот. Зерновые в Израиле в это время еще не созревали, но очень вероятно, что зерно можно было есть в районе Кинерета (Галилейского моря). Поскольку новое зерно в стране еще не созрело, в это время года легко можно было проголодаться. Этот случай содержит весьма правдоподобную галахическую проблему, что придает ему большое значение.

16

До конца не понятно, о каких именно зернах идет речь в Мф. 12:1–8. По моему мнению, мысль текста лучше всего можно передать, сказав, что этот случай имел место в «поле, засеянном неопределенной зерновой культурой». Зерно названо в тексте

σπορίμος

<споримос>, и некоторые ученые (например Stern, Ardent, Gingrich, Newman) переводят это как «пшеница» (wheat). Другие ученые (Лидделл и Скотт, создатели «Нового международного перевода» и «Новой Иерусалимской Библии») передают

σπορίμος

как «рожь» (sot). Анализ греческих и еврейских слов, используемых для обозначения этих культур, не дает нам конкретных результатов. Я исследовал значения греческих слов

πυρον

<пюрон>,

σιτος

<ситос>,

στακυες

<стакюэс> и

στειρον

<стейрон> и еврейских hitah, bar и shibolim в надежде точно идентифицировать эту культуру. Контекст заставляет предполагать, что здесь, скорее всего, имеется в виду пшеница, поскольку изображенное в тексте действие (шелушение зерен вручную, прежде чем съесть их) больше похоже на поедание пшеничных или ячменных зерен, чем ржи. Кроме того, ячменные и пшеничные посевы созревали в Нижней Галилее примерно в это время года, между Пасхой и праздником Шавуот, что вполне соответствует нашему контексту. Привлечение Септуагинты для дешифровки значения используемых здесь слов также не приводит к сколько-нибудь заметным результатам. Греческое *airos*, которое в Септуагинте используется для обозначения ржи, встречается в Новом Завете не менее двенадцати раз и определенно означает пшеницу. Поэтому, исходя из контекста, я понимаю под этой культурой разновидность злаковых, скорее всего, ячмень или пшеницу.

17

Vermes 24.

18

См. прим. 1 на с. 25.

19

Лекция Шафрая.

20

См. прим. 2 на с. 25.

21

John Fisher, "Jesus and Early Judaism", 21.

22

Лекция Шафрая.

23

Vermes 26.